

НОВАЯ серия

евгений
сабуров

> тоже мне новости >

НОВОЕ издательство

ЕВГЕНИЙ Сабуров
Тоже мне новости

«Новое издательство»

2006

Сабуров Е.

Тоже мне новости / Е. Сабуров — «Новое издательство», 2006

В сборник «Тоже мне новости» вошли стихи начала 2000-х годов.

Содержание

I		5
	Хаос звуков	5
	«Отправимся, отправимся в дорогу...»	6
	«Вот пересев в лодку-моторку пересекает...»	7
	«Вчера я верил во вчера...»	8
	«Нырдем с головой...»	9
	«Впрягаюсь в стол и резво, вытягивая шею...»	10
	«Нет, мне никто не равен...»	11
	«Я не привык вымаливать подачки-поцелуи...»	12
	«Подачки-поцелуи – не привык...»	13
	«Всё хиханьки, всё смехуечки, все...»	14
	«Кольцо пропорото зигзагом, и зигзаг...»	15
	«Мой райский лик так мал и сморщен...»	16
	«Ропот. Щечки подышают...»	17
	«Стебель чуть коричневатый...»	18
	«Что содержится в намеках на усталый...»	19
II		22
	Эклога	22
	«По ноябрьской злой постели...»	24
	«Сквозь хилые березки и осины...»	25
	Конец ознакомительного фрагмента.	26

Евгений Сабуров

Тоже мне новости

I

Хаос звуков

Хаос звуков

Надо понять,
что лирика есть приключенье
души, томящейся в оковах
и вырвавшейся от жены,
от той жены, что крошки хлеба
со стола не вытирает, не
подшивает вырванной подкладки,
томится за столом твоих друзей.

Надо понять,
в отсутствии макияжа, в белесой
ограниченности тела, во всем
удачливом и глупом постоянстве
сменять шило на мыло, порывистой,
томительной работе над тобой,
душа, надо понять, – одно лишь
имя Правды.

Правда – жена души.

Кто с правдой спит, тот вправду спит.
Не лирик.

«Отправимся, отправимся в дорогу...»

Отправимся, отправимся в дорогу,
где правде места нет, где ни
порывам, ни томленью места нет,
где сладкое развернутое тело
обдуманного горестного мира,
где ты, душа, способна быть в тревоге
за каплю слез,
где ты – душа,
и с непривычки вянешь, вянешь.
Всего так много!

Отправимся! Отправим в клубах дыма
сперва частицу по горам полазить.
Потом, душа, найди свои одежды,
оденься – и иди.
В небесном море так много всякого
и холодеет в облаках признание
в любви.

«Вот пересев в лодку-моторку пересекает...»

Вот пересев в лодку-моторку пересекает
порт суперкарго угольщика,
и наругавшись летит вверх тормашками
над молом он же минут через
тридцать успеть взять водку
на всю команду.
Велеречив проходит поэт с болонкой.
Та слушает его и кушает гладь пространства,
заключенную в доме без окон – в небе.
О, помоги, помоги душе, сладкое тело
обдуманно-развернутого мира!

«Вчера я верил во вчера...»

Вчера я верил во вчера,
вчера того вчера,
когда ты приоткрыв глаза навстречу
касалась грудью моей груди,
как верил киржак-старообрядец в то, что
до Петра весь вертоград цвел.

Сегодня я верю во вчера,
когда схватила мою руку ты и вытянула
вдоль своего бедра,
как верит бедолага-деревенщик в колхозный
духа взлет, и самый счастливый день,
день мясорубки, вспоминает ветеран.

Я верю в счастливые первые дни.
Я верю во вчера вчера вчера вчера,
когда нас ещё не было.

«Ныряем с головой...»

Ныряем с головой
в страну вчерашнего дня.
Там нас любили гибкие раскидистые женщины,
их ноги подогнутые и подтянутые
выше головы, когда они курили и
болтали всякой всячины моря —
горы вокруг чаши моря.

Ныряем с головой.
Сыты по горло нами
в довольстве и неге
нас целовали наклоняясь холодные губы
облаков.

И приключенье шелестит,
стуча в стекло окна цветами,
и суперкарго натягивает штаны и смотрит
на часы, мотает головой, мол, опоздал —
будут шерстить.

«Впрягаюсь в стол и резво, вытягивая шею...»

Впрягаюсь в стол и резво, вытягивая шею,
несусь, несу себя, несу свой
кавардак, свой малый милый хаос,
тот из которого родится земля,
черно-зеленые стволы с растресканной
облупленной корой
и зарождающиеся на самом кончике, на
самом пальце ветки гибкие прутьики
и почки, пучки, шевелистики.

Вперяюсь глазами в носки сапогов,
упираюсь носками сапогов в невесомую
нежность путешествия в заозерный
край, в сырость, в туман,
грязь-бездорожье, воздух, разрезанный
свистом обнаженных веток —
весна.

«Нет, мне никто не равен...»

Нет, мне никто не равен.
Сам себя несусь, в горящей женщине
не существуя жив живей живого.
Ах, обряди избу резьбой,
а хату аккуратно побели!
Блистаю славой, сам собой украшен.

Котенок с бантиком визжа забрался
на стену, ему необходима рамка,
как путешественнику карта,
а лирик ищет не Клондайк, а приключений.
В седое время дня, в досаду года
опутан женскими чулками-полозами
Лаокоон.

«Я не привык вымаливать подачки-поцелуи...»

Я не привык вымаливать подачки-поцелуи.
Уходишь – уходи, не нужен – не нуди.
Есть много всякого всего. Рискую —
и вон. Торжественен разрыв пути.

Дорога – рот. Рот порван. И концы
теперь уж двух дорог сочатся красной
глиной,
а по бокам стоят резцы
столбцы электролиний.

Платон был прав. Рождают баш на баш
от бабы сопляков, поэмы от идеи.
Рожающая жизнь – сплошной шантаж
по извлечению того чего имеем.

Я улыбаюсь шантажу,
поджавши хвост, поджавши губы,
и на прощание скажу:
– О! Как расчетливо ты любишь!

«Подачки-поцелуи – не привык...»

Подачки-поцелуи – не привык.
Есть много всякого всего.
Уходишь – уходи, рискую, рот порванный
сочится.

Res
publica —
ведь вовсе не о том.
Резцы терцин, а между ними натянутые
провода стихов, хиханьки проводов,
вода подвалов, сплошная вонь от
дохлых семихвостых мышекрыс.

Шантаж привычен. Жизнь
вообще-то выше крыши. Вся в печенках
сидит, но важен тон, которым просят
плату.

«Всё хиханьки, всё смехуечки, все...»

Всё хиханьки, всё смехуечки, все
такое ушное, зигзажистое, хроменькое.
Мы стянуты в кольцо. Дрожит яйцо
на холоде, на самой кромке

весны. Мой угольщик опасно близко
болтается у мола на волне.
Припрячь отжатую пипиську,
ты отработался вполне

за прошлый рейс. Спешу до дому!
Мы опростали трюмы. Ждем.
Мадам согласна дать другому
возможность побывать скотом.

«Кольцо пропорото зигзагом, и зигзаг...»

Кольцо пропорото зигзагом, и зигзаг
стянут в кольцо весенним холодом.
Дрожа, он стягивется и сморщивается,
отжатый, отработанный. Весь
в прошлом!
Возможность быть не нам принадлежит.
Простая близость нарушена прощаньем.

И —
сопляки,
и —
бабы по бокам стоят, извлекая крашенки
из узелков, жалостно смотрят.

Красная глина, яйца, хроменький
блаженный поджимает губы, как
мадам проплывающая мимо
болтающимися волнами платья.

«Мой райский лик так мал и сморщен...»

Мой райский лик так мал и сморщен,
что и не рассмотреть,
а спелый крик полощет площадь,
что миг послушать – и на смерть.

Еще лак римский майским мелом
измазан – это, скажешь, пыль.
Припудри щечки неумело
и губки в сердце оттопырь.

«Ропот. Щечки подышают...»

Ропот. Щечки подышают.
Мерли: спелый крик, рай и Рим, миг и май,
белый мел.

Май и Рим, Рим и рай
не рассмотреть.
Пурга припудрит кудри
перед маем.
У-у, благодать!
У-у, спелая какая!
А за окном – ни дать, ни взять —
почти что три десятых рая.

Снег мал и сморщен, он пойдет-пойдет
и пройдет, а на площадь ляжет пыль.

«Стебель чуть коричневатый...»

Стебель чуть коричневатый
на пустой, густой лазури —
южный папоротник смятый
во саду ли, во сумбуре.

Я лежу в лощинке, глядя
на небо. Всё ворочаюсь.
С этим садом-виноградом
я прощаюсь прочно.

Мне не надо белых бедер,
облаков холодных.
Пустотой, сияньем, ведром
я прихвачен плотно.

Вот моя отрада —
ничего не надо,
но темно в саду
к моему стыду.

«Что содержится в намеках на усталый...»

Что содержится в намеках на усталый
пепел жизни
на листву, что отжелтела,
на твое утраченное тело,
на хаос звуков?
Что содержится в намеках на прощанье?
Не прощенье ль?
На прощанье шаль с каймою ты стяни
потщательней.
Каждодневная тщета и парад побед.
Не понимая устрашающего топота совестливых
вздохов и охов, я ахаю и ухаю вместе
с совами звуков.
На небе голубом прорезался звоночек
запоздалой весны и сразу оттаяли
так долго замороженные наплеватель —
ские слова и чувства.

Неужели можно без намеков аукаться с
прощаньем?
И выдуманная тревога больше не волнует
сердце?
Пуст город. В глубине его открылось
столько всякого.
Понурые толпы «в костюмах, сметанных
со вкусом дурного сна», – сказал
Рембо – бредут от кладбища и
демонстрируют благополучье
налаженной обильно смазанной жизни.

Сорокалетний поэт с дочерью в окно такси
глядят на них и едут на вокзал
встречать его мать. Ей бабушку.
А по пути Москва раскинула свои дома.
В апрельском солнце она спокойна
и пустынна по вокресному.

Где ж здесь поэзия?
А надо ли поэзии, когда мы громоздимся
пятнами любви на освещенных солнцем
стенах города, когда
мы гривами волос вздымаемся к исходу
неба в солнце, когда
на нас печати серой седины и оспины и
пересохшие русла морщин разоблачи —

тельно рассказывают всем прохожим
о милости в нас прожитых годов?

Когда ты так украшен пляской лет,
кто станет спорить: в мире Рим творящем
одно лишь прошлое способно сплыть на нет
и стать по настоящему незряшным,
и можно ли подолгу быть незрячим,
когда в свой срок весна, блюдя завет,
но все-таки подобная удаче
на города обрушивает свет?

А потому пора прощанья настает,
прощанья с тем, что будет нашим прошлым,
дворцом нерукотворным и законом
непреложным.

На каждой клумбе черная весна гниет.
Она – торжественный круговорот
того, с чем согласиться мы не можем.

У болота согнувшись стоит поводырь
хаоса звуков.
Гнусно пахнет с болота.
Но ему в этом запахе воля и небо весны
ясны.
У коряжистых пней не просохла земля.
Кой-где снег.
Но ему в этой сырости обнаженное тело
любви явлено,
и даже ростки – соски женщины, растираемые
обезумевшим языком.
Крик прощанья, нелепый залиvistый крик —
ключ ко многим хранящимся тщательно
тайнам.
Но ему в этом голом, еще не проснувшемся
лесу, может быть, открываются более
скрытые клады.
О, слепые слова! О, клубки неродившихся
звуков!
Вас ведет не наследник миров, а случайный
прохожий.

Когда мы сочетаем слов растенья
в букетах речи и полях общенья,
в лесах стихов и на любви болотах,
над миром простирается суббота.
Когда организованно звенят на облака
повешенные нити

дождя,
когда ты просишь у своих открытий
до завтра, до утра хотя бы подождать,
когда ты опираешься на стены
в шатаниях по городским пустотам
и бедра женщины окутываешь пеной,
которая хоть означает что-то,
со свистом налетят пыль и песок с улиц,
попадут в глаз,
и недовольно веком хлопая,
идешь, останавливаешься, идешь,
останавливаешься, ругаясь —
и это прощанье.

II

Эклога

Они

В одной из загородных клиник
мы испытали темный страх,
когда над линиями лилий
кружился наш спокойный прах.

И в одночасье постаревши,
оледневши так внезапно
на наших пальцах перепревших
мы в досталь наблюдали пятна.

Из нашей памяти исчезло
все то, что наблюдало нас,
и девичьи тугие чресла
подобье ласкового сна.

Мы обнаружены, опасны,
нас классно глядят после битв
вонзая в сердце ежечасно
три сотни сладковатых бритв.

Он

Вдохновленный ярким утром
я гляжу на вещи мудро,
вещим взором проникая
даже в логово трамвая.

Тот трамвай стремится жалко
под изогнутою палкой
вдоль по рельсам напряженным
электричеством зажженный.

Она

Электричество везде
ласковое и печальное.
Только что трянешь плечами
и летаешь на звезде.

Он

Кружился наш спокойный прах
в одной из загородных клиник.
Вокруг него расцвел малинник
и волновался на кустах.

Под ветром зеленью пропахшим,
под миром радостью наполненным
мы опускаемся уставшие
и переполнены, наколоты.

Она
Верней всего сказать: – приколы,
ты не воскреснешь, хоть ты тресни.
Какое разноцветье песни!
Осколок. На фиг! Ты осколок.

Он
В одной из беспощадных песен
я говорил, что ты стара,
что мир исполненный добра
излишне выпретен и пресен.

Она
Я отвечала не таясь,
что я спокойна,
что не начавшаяся связь
нас не достойна.

И что, добавлю я, ваш долг
в одной из загородних клиник —
восторг. И вовсе не умолк
гул линий лилий.

«По ноябрьской злой постели...»

По ноябрьской злой постели
ходит ветер из окна.
В снегопад оделись ели.
Даль подвижная видна.

И легла почти случайно
на руку беда одной
женщины необычайной,
одинокой, никакой.

Просится сказать «участие»,
просится сказать «прикинь».
Кто-то рвется, кто-то шастает
из подвала в магазин

и обратно. Ходит ветер,
ходит снег и ходит кто-то,
за полночь уселся вечер,
мы уселись, обормоты.

По ноябрьской злой постели
мы тоскуем неприлично.
То ли пили, то ли пели —
этой бабе безразлично.

«Сквозь хилые березки и осины...»

Сквозь хилые березки и осины
стремясь в воскресный день в Москву,
переезжал пригорки и низины,
пересекал снег и траву.

Оттенки серого менялись постоянно
друг с другом, и казалась равномерной
не очень четкая из-за тумана
их нескончаемая смена.

Я думал: одиночество опасно.
Конечно, это сладость и подарок,
но все-таки свет больно ясен,
излишне резок, радостен и ярок.

Я думал, обнаруженное чувство
привязанности, влажности, касаний —

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.